

Александр Каневский

СТИХИ К ЧАЮ

чайные, нечайные,
случайные, чрезвычайные

Александр Семёнович Каневский

Стихи к чаю: чайные, нечайные, случайные, чрезвычайные

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63118388

*Александр Каневский Стихи к чаю Чайные, нечайные, случайные,
чрезвычайные:
ISBN 978-965-561-216-5*

Аннотация

Сборник разных моих стихотворений, начиная от многостраничных, посвящённых юбилеям друзей, до четырёхстрочных эпиграмм на них же. Я читал их и в юбилейных переполненных залах и на интимных семейных и дружеских застольях. Некоторые уже были опубликованы, но для большинства моих стихотворений это первый выход к читателям.
(Александр Каневский)

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Короткое предисловие	5
Глава первая	7
Человек с того смеха	7
Весенний Киев	13
Дядя Гриша	16
Наши мамы	19
Банкет по окончании КАДИ	22
Адам и Ева	26
Песня о Граде-Киеве	30
Пятнадцать лет	33
В день моего сороколетия	35
Я люблю тебя, Россия,	54
Пятидесятилетие в Москве	56
Как дома	64
Приснившиеся строчки	67
Исповедь сочинского Дон-Жуана	69
Моим друзьям[13]	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Каневский

Стихи к чаю

*Чайные, нечайные,
случайные, чрезвычайные*

Художник Вольф Бульба

Графический дизайнер Мария Блувштейн

Израиль, 2020

© Александр Каневский, 2020

© Все права сохраняются за автором. Данная книга или любая ее часть не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения автора.

© Издательство Beit Nelly Media, 2020

* * *

Короткое предисловие

По просьбе одного из Украинских издательств я запланировал с начала нынешнего года заняться написанием повести об известных артистах и моих многолетних друзьях: Юрии Тимошенко и Ефиме Березине (Тарапуньке и Штепселе).

Для начала я поднял свой архив из тридцати туго набитых папок и, честно говоря, был ошарашен количеством неопубликованных рассказов, стихов, эстрадных миниатюр и даже пьес. Обычно материалы из архивов писателей начинают активно публиковать после их ухода в лучший мир, но я решил не ждать и сделать это сам – и вот успел подготовить первую книжку: сборник разных моих стихотворений, начиная от многостраничных, посвящённых юбилеям друзей, до четырёхстрочных эпиграмм на них же. Я читал их и в юбилейных переполненных залах и на интимных семейных и дружеских застольях. Некоторые уже были опубликованы, но для большинства моих стихотворений это первый выход к читателям.

Прошло много лет. Некоторые из героев этих стихотворений, увы, уже покинули нас, но для меня они остались живыми, действующими и ежедневно подгоняющими меня к письменному столу. Надеюсь, многие из них

остались и в вашей памяти и тоже стимулируют вас к деятельности.

Первые четыре главы будут с фотографиями, которые у меня есть.

Глава первая

Человек с того смеха

Это моё стихотворение, которое я помещаю в этой главе вместо предисловия. Оно было адресовано только моим друзьям, сидящим за столом на моём дне рождения, но потом я его опубликовал и читал на своих творческих вечерах: ведь люди, пришедшие на встречу со мной, это тоже друзья, как и вы, мои дорогие читатели! Так что усаживайтесь поудобней и побеседуем, негромко, по душам, пока мы ещё не разучились просто говорить друг с другом, без скайпов и фейсбуков, без андроидов и айфонов...

Я – человек с того Смеха,
Не гений и не дурак,
Знавший фанфары успеха
И шрамы погромов и драк.
Книги мои рассыпали,
Не находя в них елей,
Спектакли мои убивали,
Как убивают детей.
Обкомы, горкомы, райкомы —

Безликих фанатов орда.
Погромы, погромы, погромы —
Убийцы открытого рта.
Даже сквозь малую дверцу
Пройти не давал мне Главлит.
Били умело, по сердцу,
До сих пор сердце болит.
На мысли разумные – квота,
Молчи, если хочешь прожить...
Нам не давали работать,
Но не сумели добить,
И нами был путь проторен,
Хоть шли мы опасной тропой.
Жванецкий, Арканов, Горин,
Вы ведь согласны со мной?

Время другое настало,
Заржал в Интернете Пегас,
Время слезать с пьедесталов,
Время идти в запас.
Настали другие формы,
Эпоха лупит под дых,
Надо давить на тормоз
И пропускать молодых.

Но мы отходили не сразу,

Был ещё шуток запас,
И вдруг, как ракеты из Газы,
Обрушилась пошлость на нас.
Пошлость умы выжигает,
Хоть верит, что веселит,
Но больше всего огорчает,
Что залы хохочут навзрыд.
Смех, как из бензоколонки,
Парни в восторге ревут,
С визгом смеются девчонки,
Чёрные слёзы текут.
Вкусы калечит халтура,
И вдруг моя совесть кричит:
«Где ты, убийца-цензура?!
Где ты, проклятый Главлит?!»

А впрочем, чего разворчался?
Того, что не молодой?
Иль просто не высыпался?
Иль просто я стал брюзгой?
Господи, только не это!
Молю, как датишный еврей:
Не дай мне советовать детям!
Не дай поучать друзей!
Я – человек с того Смеха,
Где всё было через нельзя.
Я – человек с того Смеха,
Где главное было друзья.

Но многих со мной уже нету —
В Канаде, в Германии, в США...
Их разбросало по свету,
И плачет по ним душа.
Коль лучшее, что есть на свете,
Мы бережём для детей —
Я подарю своим детям
Моих дорогих друзей.
И прежних, которых в невзгоды
Я всё-таки сохранил,

И новых, кого в эти годы
Господь мне ещё подарил.
Да здравствует наше братство!
И до последнего дня
Имею я это богатство,
Ведь все вы есть у меня!

Я – человек с того Смеха,
Развеялись годы, как дым...
Утехи, успехи, потехи.
Пожить бы ещё молодым.

Чтоб Муза ещё прилетала,
Чтоб внукам не надоесть,

Чтоб сохранить до финала
Достоинство, разум и честь.
Пожить бы ещё беспокойно
И за столом пошуметь,
И женщин красивых и стройных
Хотя бы глазами иметь.
Чтоб жизнь дарила сюрпризы,
Чтоб не покинул успех,
Чтоб всем хватало на жизнь,
Чтоб жизни хватило на всех!
Чтоб Бог сохранял и дальше
Мне дорогих людей
И чтоб уже больше – не старше,
А просто чуть-чуть мудрей!

Я жду вас всех лет через десять,
Ведь я не в конце пути...
Запомните день и месяц —
Попробуйте не прийти!

Весенний Киев

Вы знаете весенний Киев?
Каштанов белых карнавал
И звёзды яркие такие,
Что каждую б на память взял.

Вы видели Днепра разливы,
Когда последний лёд прошёл?
Когда не просто так красиво —
До боли в сердце хорошо!

Вы ночью на мосту стояли,
Когда под вами Днепр спит?..
Таких ночей вы не видали,
Вам это Гоголь подтвердит.

Вы видели весенний Киев?
Скворечни новые в саду,
Соборов шапки золотые
Играют с солнцем в чехарду.

Наш город – солнечный, зелёный,

И счастьем улицы полны...
Наш город создан для влюбленных,
Наш город создан для весны.

И в этом городе весеннем
Наш гость радушием согрет.
Примите же, как приглашенье,
Весенний Киевский привет!

Дядя Гриша

У меня есть сосед дядя Гриша,
Он живёт этажом пониже,
Он шурует у нас в кочегарке.
Он давно уже сед,
Он небрежно одет,
Каждый день пропускает чарку.

У него есть жена, тётя Рая,
Энергичная, боевая,
Круглощёкая, как матрёшка...
И ворчит на него,
И кричит на него,
Посылает его за картошкой.

У соседа ещё есть дети,
Оба в университете,
Оба на математическом...
Они отца подучивают,
Они над отцом подшучивают
И относятся к нему критически.

У соседа есть вечер желанный,
Не крестины, не день рождения...

Он домой возвращается рано,
На часы глядит с нетерпением.

Дядя Гриша костюм свой глаженный
Надевает всегда в этот вечер,
И причёсанный, и наряженный,
Он, волнуясь, готовится к встрече.

Тётя Рая, прыгая мячиком,
Поправляет рубашку Гришину,
А два молодых математика
Кресло двигают к телевизору.
В этот вечер жена, тётя Рая,
Энергичная, боевая,
Не ворчит на него ни разу,
А два кандидата в Эйнштейны
Наливают ему портвейна
Из предпраздничного запаса.

В этот вечер нельзя иначе,
Уж этот вечер таков,
Уж такая идёт передача:
Выступает Сергей Смирнов¹.

¹ Сергей Смирнов – писатель, журналист, лауреат Ленинской премии, автор популярных книг о войне, регулярно выступавший по телевидению с воспоминаниями о ней.

И заныли старые раны,
И в Москве, и в Баку, и в Париже...
Обращается он к ветеранам,
Обращается к дяде Грише:

«Воевали мы, знать, не даром!» —
Вспоминает про штурм Берлина.
И гордятся отцом-кочегаром
Два образованных сына.

А он, не тронув обеда,
Сжимает ладонь в кулаке,
И сияет медаль за Победу
На немодном его пиджаке.

А в глазах дяди Гриши слезинки,
Видно нервы сдают немножко...
Тётя Рая берёт корзинку
И сама
идёт
за картошкой.

Наши мамы

Когда-то мне заметочка попалась,
Как в дни блокады молодая мать
С улыбкою от голода скончалась...
С улыбкой – чтоб детей не испугать.
О, мамы, мамы, свет и доброта
На нашей одурманенной планете!..
Мы полной мерою вас ценим лишь тогда,
Когда уже вас нет на этом свете...
Вы провели нас сквозь нужду и войны,
Свою любовь, стеля под ноги нам...
Какие памятники могут быть достойны
Достоинства великих наших мам?!

Спешат взрослеть кипучие мужчины,
Ещё электробритву не познав,
Не замечая мамины морщины —

Следы своих мальчишеских забав.
Запомнил маму я ещё девчонкой
Сквозь две страны и сквозь десятки лет...
Она неслась со мной наперегонки,
Она плясала, не щадя паркет.
А годы надвигаются упрямо,
Теснят к могилам наших матерей,
И мне хотелось крикнуть: «Мама, мама!
Пожалуйста, не надо, не старей!».
Имей я право, я бы в тот же миг
При жизни маме памятник воздвиг.
Но мама не любила постаменты
И презирала мрамора пуды...
Сказала мне, когда я был студентом:
«Мой лучший памятник на свете – это ты».

Пусть помнят миллионы сыновей:
Мы – памятники наших матерей!

Банкет по окончании КАДИ (Киевского автодорожного института)

Друзья мои, прошу вас не сердиться:
Решил я снова к рифме обратиться.
Я часто рифмой мучил вас,
Позвольте же в последний раз.
Нет, нет, поверьте: больше никогда
Своих стихов я вам читать не буду,
Мы все разъедемся. Меня ждёт Кзыл-Орда
И слушатели верные верблюды.
И там, под тенью кактусов зелёных
Я напишу поэму «Скорпионы»,
В которой докажу категорично,
Что жалить инженеров – не тактично!
Потоки рифм польются без запруды
И зарыдают бедные верблюды...
Но это после, в Кзыл-Орде далёкой,
А нынче предо мной накрытый стол,
Закуска смотрит на меня с упрёком
И думает: «Кончай! Чего завёл
Ты разговор и скучный и предлинный,
А главное, без видимой причины!»...

Причина есть! И важная причина!
Здесь все сидящие меня поймут:
Сегодня я – не мальчик, я – мужчина!
Сегодня я окончил институт!
Тот институт, который ненавидел,
Который все пять лет мне клеткой был,
Которым Бог меня, казалось мне, обидел,
И наконец – который полюбил!

Киевский Автодорожный институт. Сегодня он уже называется академией.

Здесь многих, многих, многих я узнал,
Ко многим всей душою привязался...

Не раз экзамены пересдавал,
На первых лекциях частенько не являлся,
Шпаргалкой пользовался иногда.
(Товарищи экзаменаторы, да, да!
Теперь уж поздно принимать вам меры,
Теперь мы не студенты – инженеры!)...
Так вот, я предлагаю тост,
А вы уж поддержите, если можно:
Прошу подняться во весь рост
И выпить за Автодорожный,
Который мы сегодня покидаем
И о котором с грустью вспоминаем.

Я помню чудные мгновенья:
В сияньи голубого дня
С огромной силой вдохновенья
Декан отчитывал меня.
А вслед за мной сплошным теченьем
Шли Хачик, Жариков, Палей...
И получив нравоученье, толпясь,
Спешили из дверей.
О, бедный, бедный деканат,
Ты посетителей теряешь,
Теперь их не вернуть назад,
Они далёко уезжают.
Ту-ту-ту-ту... Ту-ту-ту-ту...

Стучат колёса, поезд мчится,
В Караганду и в Кзыл-Орду,
В Казань, Хабаровск и в Читу,
И в Белорусскую столицу...
И где б не жили вы: в бараке, в доме, в хате –
Привет, друзья! До встречи в деканате!

Я очень многое хотел ещё сказать,
Но надо честь, как говорится, знать:
Здесь многие меня уже клянут,
А многие тихонечко жуют.
Не надо злиться, закругляюсь я,
Последнее желание, друзья:

Давайте пить за полдесятка лет,
В которых отражён всей жизни цвет,
За нашу юность, полную желаний,
За наши души, полные мечтаний,
За нашу дружбу, что родилась в ВУЗе,
Которая пойдёт за нами вслед,
И будет жить в любом конце Союза,
И будет жить через десятки лет!
Пусть эта дружба не боится непогоды,
Пускай она живёт у каждого в груди...
Так выпьем за студенческие годы,
За жизнь, которая открылась впереди!

Адам и Ева

В райском Божьем царстве,
Где-то ближе к югу,
Жил Адам безгрешный
Со своей супругой.

Солнце там всегда светило,
Ева шубы не носила,
Не носила шляпы и чулок,
А носила только фиговый листок.
В этом замечательном краю
И Адам не знал заботы,
Не учился, не работал.
Словом, жил в раю.

Это подарок моих многолетних друзей-художников Галины и Юрия Кармели. Подробнее о них – в третьей главе.

Рай не долго продолжался,
В это дело Змей вмешался,
Показал он им запретный плод.
Но не овощи, не фрукты,
Не конфеты, не продукты –
Показал он им журналы мод.
Ева сразу обомлела,
Ева к мужу подлетела,
Закричала на библейском языке:
«Посмотри в чём я одета!
И зимой хожу и летом
В устаревшем фиговом листке!
Мало в паспорте печати,
Есть обязанности, кстати!
Где забота о жене своей?..
Вечно терпишь стыд и холод,
Вечно ходишь босой, голой...»
Что наделал Змей!

Хоть с тех пор промчались годы,
Змей неистощим на моды,
С каждым годом всё хитрее:
Появление бостона,

И нейлона, и капрона –
Это всё работа Змея!..
Так Адам несчастный,
Пострадав невинно,
Изгнан был на Землю,
Ближе к магазинам.
И с тех пор, мужчины-друзи,
Мы живём в сплошном испуге
Из-за этих быстрокрылых мод,
Наши жёны покупают каждый год
Уйму туфель, платьев и чулок...
Мы же Змея проклинаем
И с восторгом вспоминаем
Фиговый листок!

Песня о Граде-Киеве

Давней порою, ранней весною
Вышла на берег Днепра
Чудо-бригада, славных три брата,
Три богатыря.
Самый сметливый звался Хоривом,
Дивный строитель был,
И на поляне,
Словно на плане,
Град изобразил:
«Тут будут окна дворцов сиять,
Тут будут арки мостов стоять,
И будет град над кручей,
Прекрасный и могучий,
Тысячи лет стоять!»

Средний из братьев, смелый мечтатель,
Парень по имени Щек,
Вечно шутил он, песни любил он
И весёлый смех.

«Стоит ли, братцы, зря нам стараться,
Стоит ли строить град?

Может быть, лучше,
Если над кручей
Мы посадим сад.

Тут будет зелень весну встречать,
И будут песни кругом звучать,
И будет сад над кручей,
Весёлый и могучий,

Тысячи лет стоять!»

Спорят два брата без результата

Граду иль саду быть,

И попросили старшего Кия

спор их разрешить.

Выслушав пренья,

Принял решение

Мудрый философ Кий:

«Выстроить надо

Град вместе с садом

На берегу реки.

И будут окна дворцов сиять,

И будут песни вокруг звучать,

И будет сад над кручей,

И будет град могучий,

Тысячи лет стоять!»

Пятнадцать лет после окончания института

В часы, когда все дети были в школе,
Учили «инглиш», бегали в спортзал.
Я сживал часами в коктейль-холле
И вместо знаний алкоголь глотал.
Участвовал в попойках безобразных,
Рискованные песни сочинял...
Отличниц даже я вводил в соблазны
И даже комсомолок целовал.
Свои года я на катушку времени
Цветною ниткой жизни намотал.
Хоть время и лупило нас по темени,
Но я другого времени не знал

Давайте славить этот перегон
За то, что все мы есть на этом свете,
За наш весёлый маленький вагон,
В котором мы несёмся по Планете.
И мы ничуть не изменились,
Хотя над нами годы пронеслись.
Ну, может быть, по разу поженились...
Ну, может быть, по разу развелись...
Пятнадцать лет уж позади,

Промчались годы, словно птицы,
Но снова вижу ваши лица,
И сердце радостно стучится,
И снова я – студент КАДИ!..

Давайте выпьем за дороги,
За те, что стелим за собой,
И за грядущие тревоги,
Что нам отмерены судьбой,
За теплоту больших ладоней,
За наш дорожный факультет,
И за объятия на перроне
При встрече через много лет!

В день моего сороколетия

Когда я вдруг остановлюсь в пути
И оглянусь на пройденные годы,
То вижу, сколько в жизни пропустил
И сколько недоделал и недодал.
Я сорок лет уже в дороге,
Сегодня подведу итоги
И вспомню тех, с кем я свой путь прошёл,
Кого любил, кому я доверял,
Кого за сорок лет я приобрёл,
Кого за сорок лет не растерял.
Скажу о маме с самого начала,
Я ею открывать хочу парад.
Подумать только: сорок лет назад
Она меня, носатого, рожала!
Моих друзей по школе каждый раз
Своею удивляла красотой,
И мне всегда завидовал весь класс,
И вызывающе гордился я тобой.
Со мною ты намучилась немало,
Пока твой сын в мужчину вырастал,
И ты меня прекрасно понимала,
Когда я сам себя не понимал.
Когда-то старше ты была на треть,

Теперь на четверть ты меня постарше...

Ну, хочешь, обещаю не стареть,
Чтоб только наш разрыв не разрастался!..
Ну, хочешь, мама, спортом я займусь?..
Ну, хочешь, постараюсь быть умней?..

Ну, хочешь, завтра в классики пробьюсь?..
Но только ты, родная, не старей!

Ах, папа, папа, ты уж не грусти,
Прости мне неприличные манеры,

И ты ещё, пожалуйста, прости,
Что я не стал дорожным инженером,
Что жизнь связал с эстрадою нечистой,
Что брата младшего увлѣк в артисты!
Стучались в вашу дверь мои друзья,
Потом вдруг в шумном доме стало тише,
Надолго разлетелись сыновья
И вместо них слетаются афиши,
Не слышно в кухне рюмок перезвона,
Остались вы одни у телефона.
Но подтвердит охотно гость любой,
Что и сегодня – вы красивейшая пара,
И то, что вы сегодня здесь со мной –
Мне это самый дорогой подарок.

Мой бывший толстый, ныне стройный брат,
Тобою очень в жизни я богат.
Тебя лепил (теперь признаюсь маме)

Своими собственными кулаками.
Не тратя время на пустые разговоры,
Тебе я часто оплеухи раздавал
За то, что ты к моим девчонкам приставал,
И выбил дурь, и ты прошёл в майоры.
Но ты, негодник, отыгрался тут:
Теперь в какой я не приеду в город,
Меня там не по имени зовут,
А называют всюду – «брат майора»!

Есть у меня хорошая жена,
Другой жены себе я не желяю,
И даже тѣща – мне была верна:
Она мне к маю подарила Майю!

Мой взрослый сын, хочу тебя просить
За этим шумным, праздничным обедом:
Дай мне ещё мальчишкою побыть,
Ещё лет пять меня не делай дедом!

Я Машку не хотел – была промашка,

Была промашка – получилась Машка.
И я вам по секрету доложу:
Промашкой этой очень дорожу!

Дни нашей первой встречи далеки,
Мои родные эскулапы – Игорь с Линой,
И ты, и ты – вы так мне дороги,
Что я мирюсь с бесплатной медициной!

Есть у меня сестрёнки, обе – Светы,

Со мною обе по Крещатику гуляли,
И обе были заняты при этом:
Они своих подруг мне поставляли.
Когда я буду стар, и лыс, и сед,
Я вмиг помолодею рядом с вами.
Прошу вас: ещё много-много лет
Светите, Светы, чёрными глазами!

Эй, Марик, будешь молодым весь век ты,
Хоть есть усы, но ты – мальчишка!
Ты мне всегда давал свои конспекты,
Теперь даёшь свою сберкнижку.

Ты сохраняешь все мои стихи
И покрываешь все мои грехи.
И по крутому времени откосу
Ты впереди идёшь на целый год,
Чтобы, как прежде, первым сдать зачёт
И сообщить мне трудные вопросы.

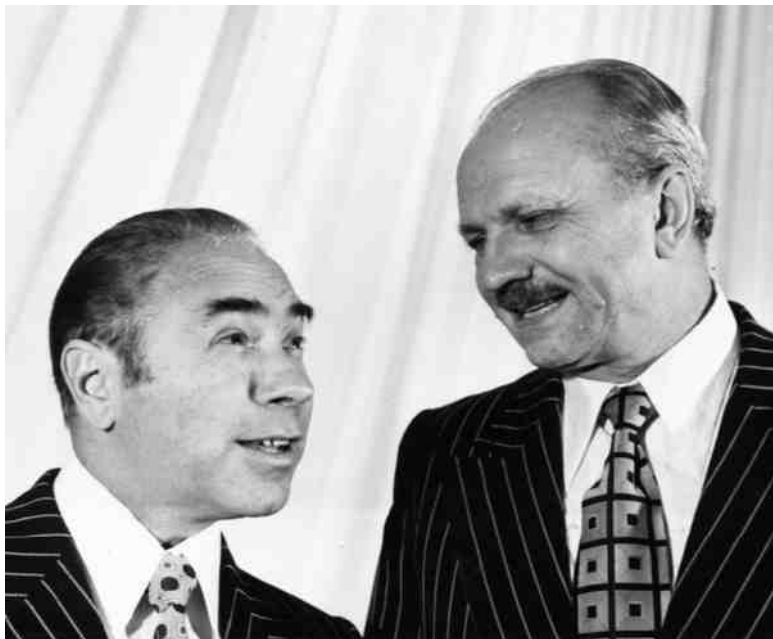
Владко Владимир², бабник и эстет,
Наверное судьбе было угодно,
Чтобы презрев несовпадение лет,
Вы в жизнь мою вошли бесповоротно.
Я поделюсь секретом тайных дум:
Хочу дожить до Ваших лет, не меньше,
И сохранить Владковский ясный ум,
И сохранить Владковский взгляд на женщин.

² Владко Владимир – известный украинский писатель-фантаст.

Седой и мрачный Виккерс Роба³,
С тобой – я больше, чем с женой.
Наверное, уже до гроба
Нам быть с тобою суждено.
Ещё нам жаловаться рано,
Но если вдруг погаснет стих –
Возьмём в соавторы Аркана,
Разделим годы на троих.

³ Роберт Виккерс – первые годы моего творчества – мой соавтор.

Березин, Тимошенко! Я простил
Вам звания, медали, ордена,
И авторские те, что получил,
И то, что любит вас моя жена.
Я очень много отпустил грехов,
Но одного лишь не прощу я вам:
Что в рифму вы не влазите мою,
А влезли в душу и сидите там...

Друзья моих далёких школьных лет,
Дубинский, Шостак – найденных два брата,
Я знаю, каждый прибежит ко мне чуть свет,
Лишь стоит позвонить из автомата.
Я площадь, где не надо, перейду
И безнаказанно дам в морду негодяю:
Меня ведь к вам за это приведут –
Моя милиция меня оберегает.
Один упрёк: вы – высший комсостав,
Предотвращали подлые дела,
Но не заметили, что близится полста...
Моя милиция меня не сберегла...

Летят года, как в шахту клеть,
«И это надо потерпеть»,
Как говорил мой русский друг Гузеев⁴,
Встречая родичей жены – евреев.

Прошу прощения у тех, с кем был я груб,
Смягчаю свой характер, в общем, жёсткий.
А если на кого-то заимею зуб,
То мне его охотно вырвёт Бродский⁵
Я молодым считался до сих пор,

⁴ Анатолий Гузеев – многолетний популярный телеведущий

⁵ Владимир Бродский – Зубной врач

Я и теперь хочу отсрочить старость,
И если вдруг забарахлит мотор,
То мне его всегда починит Барах.
Пуускай подножки ставят на пути,
Пуускай мой каждый труд мне стоит крови –
Я буду улыбаться и шутить,
И танцевать, как Боря Каменкович⁶.

Мы едем с вами все в одном вагоне,
Попутчики мои на перегоне,
В купе своих не запираем дверь,
Ни в двадцать лет, ни в тридцать, ни теперь!
Средь вас до ста прожить имею шанс,
Пусть наша дружба жизнь мою согреет,
Расцениваю сорок, как аванс,
Который мне вдруг выдал Тимофеев⁷!

⁶ Борис Каменкович – главный балетмейстер «Укрконцерта».

⁷ Валентин Тимофеев – Один из руководящих сотрудников Министерства
Культуры Украины.

Я люблю тебя, Россия,

Я люблю тебя, Россия
Моя радость, моя грусть,
Я люблю тебя, Россия,
И немножечко боюсь.
Ты растила, воспитала,
Ты дарила мне друзей,
Но всегда напоминала:
«Ты – не русский, ты – еврей!»
Вечно самоистязая,
У себя на поводу,
Ты стоишь у входа рая,
Но одной ногой в аду.
Презираешь ты опасность,
Прёшь вперёд и наобум...
Нам твою бы бесшабашность,
А тебе – наш горький ум.
Как похожи мы, Россия,
Как похожи, ты и я,
Я с надеждой жду Мессию,
Ты ждёшь доброго царя.
Я люблю тебя, Россия,
Моя радость, моя грусть,
Моя слабость, моя сила,

От тебя не отрекусь.

Я к тебе любовью ранен,

Я в числе твоих друзей,

Я – еврейский россиянин,

Я – российский твой еврей!

Пятидесятилетие в Москве

Я на катушку времени полвека
Цветною ниткой жизни намотал,
Я детство всё прокукарекал,
Я юность всю прокобелял.
И вдруг сквозь розовую лирику
Ко мне прорвался собственный Пегас:
Решил я стать писателем-сатириком,
Мол, нам нужны сатирики сейчас.
И стал бороться с собственными гуннами,
Как всякий не растоптанный еврей,
Замешивал их ненависть чугунную
Дрожжами непокорности своей.
Глотал обиды, получал пощёчины,
Но всё равно смеялся и шутил,
Выталкивался ими на обочины
И снова на дорогу выходил.
Не вылезал из пьянок и долгов,
И годы погонял: скорей, скорей!
Я приобрёл там проданных врагов,
Но приобрёл и преданных друзей.
И вот теперь, когда бы стричь проценты,
Когда б сидеть и греться у причала –
Как памятник, слетевший с постамента,

Я начинаю жизнь свою сначала.

Уже не тут, а тама,
Со всей своей семьёй,
Авантюрист, как мама,
Которая со мной.

Не ждал я добрые слова,
Могла быть встреча и сурова,
Но улыбнулась мне Москва
Улыбкой доброю Столбова⁸
Я прожил жизнь, но я клянусь, не знал,
Резвясь в тени каштанов и акаций,
Что здесь в Москве меня Галантер⁹ ждал,
Мой старый друг с времён эвакуации.
Сегодня он пришёл на именины
И доказал, что тыл и фронт – едины.

⁸ Александр Столбов – главный режиссёр киножурнала «Фитиль», который отснял с десятков моих киносюжетов и стал моим хорошим и надёжным другом.

⁹ Борис Галантер – кинорежиссёр и киносценарист, создатель популярных фильмов о Пушкине, Бетховене, Плисецкой... Будучи ещё детьми в Сибири, в эвакуации, мы познакомились там и подружились.

Рассказывали мне о том,
Что жили раньше Бим и Бом¹⁰,
Сейчас пришли на смену тем
Два новых Бима: Зям и Эм.
Под эту клоунату
Смеюсь я до упаду,
Как сказки братьев Гримов,
Я обожаю Бимов.

¹⁰ Зиновий и Эмма Бимы. Он был директором крупного строительного треста, отстроившего, наверное, пол-Москвы. Она – всю жизнь преподавала английский язык в Московских ВУЗах.

В Москве имею брата,
И жизнь моя богата:
Изюм и помидоры
Имею от майора,
Когда несут картофель,
Я вижу Лёнин профиль.
В беде он не изменит,
Остался добрым парнем,
И очень прост, как Ленин,
Но только популярней.

Остался в Киеве мой Игорь,¹¹
Мой брат по сердцу и уму,
И Линка, шумная, как вихрь,
И вечера у них в дому.

И Марик, тихий и надёжный,
Как весь дорожный факультет,
При людях очень осторожный
И посмелее тет-а-тет.

Я вас люблю, по вас скучаю,
Мои друзья, моя семья,
И жизнь свою благословляю
За то, что есть вы у меня.
Я счастлив, радостен и горд,
Поверьте, мне есть чем гордиться:
Среди тупых казённых морд
Есть ваши дружеские лица.
Полвека!.. Надо бы грустить...
Полвека!.. Это очень много...
Но так ещё охота жить

¹¹ Игорь Барак и Лина Яралова – мои многолетние друзья. Игорь, как написано о нём, «врач по призванию и поэт по зову сердца», автор большого количества песен, среди которых и такие популярные, как «Кохана», исполняемая не только в Украине и России, но ещё и во многих европейских странах. Его жена Лина – кандидат медицинских наук, была старшим научным сотрудником в медицинских НИИ и в Киеве, и в Москве.

И топать по своей дороге.
Иду вперёд, иду упрямо,
Куда приду, ещё не знаю,
Но я спокоен: рядом мама,
И я уверен: рядом Майя.
Со мною рядом ваша дружба
И ваши тёплые сердца –
Мне больше ничего не нужно,
Сберечь бы вас до своего конца.
Когда он будет, я не знаю,
Но я его не тороплю,
Я вас любовью сохраняю,
Я очень, очень вас люблю!

Как дома

У меня один сотрудник был,
Каждому внушал он уваженье,
Весь отдел к нему благоволил
И считал примером поведенья.

Он был скромным и передовым,
Помещал заметки в стенгазете,
Чтобы женщин не тревожил дым,
Он курил лишь только в туалете.

У меня один сотрудник был,
Бог в работе, ангел в поведении.
Я его однажды пригласил
Заглянуть ко мне на день рожденья.

Он пришёл и сразу в уголок,
Дескать, здесь народ всё незнакомый...
Тут ему советом я помог:
«Ты веди себя совсем, как дома».

Он моим вниманием согрет,
Сразу выпил полбутылки рома,
Принял близко к сердцу мой совет

И себя почувствовал, как дома.

Всех из-за стола повыгонял,
Перебил прабабушкины чашки,
Деда запер в ванной, а меня.
К люстре он подвесил за подтяжки.

Пылесос найдя, был очень рад,
Высосал из банок всё варенье,
А потом пустил струю назад
И обрызгал мне весь день рождения.

Штопором обои искромсал,
Все картины порубил на силос...
Он мою овчарку искусал
И она, несчастная, сбесилась.

Выпил весь тройной одеколон
И ещё какую-то отраву,
А потом, включив магнитофон,
Мрачно слушал песни Окуджавы...

...Завтра снова был передовым,
Помещал заметки в стенгазете.
Чтобы женщин не тревожил дым,
Он курил лишь только в туалете.

Месяц я в больнице пролежал,
А когда оттуда возвратился,
Я его в приёмной повстречал
И к нему с вопросом обратился:

«Ты зачем устроил мне скандал,
Оскорбил соседей и знакомых?..»
Он с невинным видом отвечал:
«Ты ж просил вести себя, как дома»

Приснившиеся строчки

Мне часто снились стихи. Во сне я слушал их с беспокойством: только бы не забыть, не забыть!.. И, конечно, забывал. Вскочив с постели, подбегал к столу, но записать удавалось только последние, сохранившееся в памяти четверостишия из пяти не запомнившихся стихотворений. Но каждое – мне кажется самостоятельным и завершенным. Поэтому я их решил опубликовать.

И раскинуты руки,
И не выдохнут стон...
Погляжу на досуге
Я убит или он...

* * *

Я шёл сквозь чёрные берёзы,
Я чашу горя выпил сам
И пересоленные слёзы
Текли мёд-пивом по усам.

* * *

Нас атакует небо с яростью,
Сверкают молнии огни,
Танцует пенсия со старостью —
Ну, вот и встретились они!

* * *

Иголка бегает по черепу,
Звучит залеченный фокстрот,
О жизни негров из Америки
Нам чья-то опухоль поёт.¹²

* * *

Я жизнь не хлебал из блюдца —
Её я черпал из колодца.
Но мне к нему уж не вернуться:
Он сух, лишь эхо раздаётся.

¹² В послевоенные годы многие патефонные пластинки делались из использованных рентгеновских снимков.

Исповедь сочинского Дон-Жуана

Сюда я приезжаю каждый год,
Меня уже здесь знает каждый кот,
Как у кота, подход мой очень прост:
Здесь всё решает рост и яркий хвост.
Ещё решают тонкие усы,
Ещё решают модные часы,
И лёгкое французское кино,
И сладкое прохладное вино.
О это Сочи!
Здесь солнце яркое
В ажиотаже,
Здесь лето жаркое –
Сплошные пляжи.
Здесь чуть длиннее ночи,
Здесь юбки чуть короче,
Здесь чебуреки, виноград и шашлыки...
Все улицы – картинки,
Все женщины – блондинки,
И все мужчины здесь – холостяки.

Мне очень помогает знойный юг,
Я здесь разогреваюсь, как утюг.
Здесь горы есть, и пальмы, и фонтан,

На фоне пальмы – я почти Тарзан.
Шумит прибой, луна над головой,
И мы идём по берегу с тобой,
Рифмую я: сосна, волна, луна...
И ты уже почти покорена.

О это Сочи!
Здесь солнце яркое
В ажиотаже!
Здесь лето жаркое –
Сплошные пляжи.
Здесь чуть длиннее ночи,
Здесь юбки чуть короче,
Здесь чебуреки, виноград и шашлыки...
Все улицы – картинки,
Все женщины – блондинки,
И все мужчины здесь – холостяки.
Я повторяю много лет подряд
Всё тот же жест, всё тот же знойный взгляд,
И даже старый анекдот – всё тот,
И каждый год я тот же самый кот.
Не помню я уже ни лиц, ни тел,
Я сам себе порядком надоел.
И каждый год всё удивляюсь я:
Ну, как вы не раскусите меня?

О это Сочи!

Здесь солнце яркое

В ажиотаже!

Здесь лето жаркое –

Сплошные пляжи.

Здесь чуть длиннее ночи,

Здесь юбки чуть короче,

Здесь чебуреки, виноград и шашлыки...

Все улицы – картинки,

Все женщины – блондинки,

И все мужчины здесь – холостяки.

Моим друзьям¹³

Мой возраст – надо бы грустить,
Мой возраст – это очень много,
Но так ещё охота жить
И топтать по большим дорогам.

¹³ Уверен, что мои друзья, присутствующие на этих четырёх фотографиях, хорошо всем знакомы. Но, на всякий случай, для подрастающей молодёжи, я их представлю. На первом фото – популярнейший артист театра и кино Александр Ширвиндт, художественный руководитель Московского Театра Сатиры. На фото наша встреча в Ленинграде, на Фестивале Смеха «Золотой Остап». На втором снимке – великолепный писатель Григорий Горин, и выдающийся артист цирка и кино Юрий Никулин. Они у меня в гостях, в редакции журнала «Балаган».

Иду вперёд походным маршем,
Когда приду, пока не знаю.
Хоть с каждым годом я всё старше,
Но я, клянусь, не унываю.

Со мною рядом ваша дружба
И ваши тёплые сердца –
Мне больше ничего не нужно,
Сберечь бы вас до самого конца!

Когда он будет, я не знаю,¹⁴
Но я его не тороплю.
Я вас любовью охраняю,

¹⁴ *На следующем – звезда эстрады писатель Аркадий Арканов и Юрий Гусман, которого трудно представить одним словом – он и актёр, и писатель, и кинорежиссёр... и потрясающая личность. На снимке – мы за кулисами в доме писателей на моём творческом вечере. И, наконец, на четвёртой фотографии – Юрий Штерн, известный политик, прославившейся, как замечательный человек, контактный, весёлый и отзывчивый. Он пришёл меня поздравить с днём рождения и по нашим трезвым лицам видно, что мы ещё за стол не садились.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.